

УДК 343.2
ББК 67.408.0

ЛИЦО, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И НОРМАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В. Н. Куфлева

Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)

Понятие «лицо, впервые совершившее преступление» нормативно закреплено, но не определено в УК РФ. Отсутствие дефиниции порождает пробел, восполняемый судебной практикой через толкование норм. В науке уголовного права сформировался дискурс об эссенции понятия: фактическое (биографическое) против юридического определения «впервые». Разрешение этого вопроса имеет методологическое значение для адекватного применения мер уголовно-правового характера, требует систематизации подходов и выработки единых методических критериев. Обращая внимание на различия в употреблении исследуемого понятия в законе, представляется важным соотносить эту информацию с общим представлением о механизме уголовно-правового регулирования. Анализ показывает: там, где речь идет об императивной законодательной дифференциации уголовного наказания, значение имеет только сам по себе факт совершения преступления впервые; там, где речь идет о диспозитивных основаниях дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, об установлении оснований и условий реализации ответственности, факт совершения преступления теряет свою самодостаточность, входя в систему иных обстоятельств, учитываемых правоприменителем при принятии решения по делу. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что исходный пункт теоретической конструкции «лицо, впервые совершившее преступление» состоит в том, чтобы: а) отделить «факт» и его значение от «лица» и его значения; б) признать, что факт совершения преступления впервые не предопределяет вывод об уровне опасности лица, совершившего этого преступление, не является определяющей характеристикой в структуре данных о лице, впервые совершившем преступление.

Ключевые слова: лицо, впервые совершившее преступление; толкование уголовного закона; судимость, уголовная ответственность, уголовно-правое регулирование.

A FIRST-TIME OFFENDER: THEORETICAL CHARACTERISTICS AND NORMATIVE SIGNIFICANCE

V. N. Kufleva

Kuban State University (Krasnodar, Russia)

The concept of «first-time offender» is enshrined in law but not defined in the Russian Criminal Code. This lack of definition creates a gap that is being addressed by judicial practice through the interpretation of norms. A discourse has emerged in criminal law scholarship on the essence of the concept: the factual (biographical) versus the legal definition of “first-time offender.” Resolving this issue is methodologically significant for the adequate application of criminal law measures and requires the systematization of approaches and the development of uniform methodological criteria. While noting the differences in the use of this concept in law, it is important to correlate this information with a general understanding of the mechanism of criminal law regulation. Analysis shows that where mandatory legislative differentiation of criminal punishment is involved, only the fact of committing a crime for the first time is significant; When it comes to the discretionary grounds for differentiating and individualizing criminal liability, or establishing the grounds and conditions for implementing liability, the fact of committing a crime loses its self-sufficiency, becoming part of a system of other circumstances taken into account by law enforcement officials when

making a decision on the case. Based on the conducted research, the author concludes that the starting point of the theoretical construct of “first-time offender” is to: a) separate the “fact” and its meaning from the “person” and its meaning; b) recognize that the fact of committing a crime for the first time does not predetermine the level of danger posed by the person who committed it and is not a defining characteristic in the structure of data on a first-time offender.

Keywords: a person who has committed a crime for the first time; interpretation of the criminal law; criminal record, criminal liability, criminal law regulation.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)1.14](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.14)

Понятие «лицо, впервые совершившее преступление» относится к числу тех, что нормативно закреплены, но не определены. В тексте уголовного закона (по состоянию на 01.10.2025) оно используется 30 раз: пять раз — при регламентации вопросов, связанных с назначением уголовного наказания (ч. 1 ст. 531, ч. 1 ст. 56, ч. 6 ст. 88, п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ), два — при конструировании оснований освобождения от уголовного наказания (ст. 801, примечание 1 к ст. 134 УК РФ) и 23 раза — в конструкции оснований освобождения от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 75, ст. 76, 761, 762, примечания к статьям 1271, 1451, 1731, 187, 195, 198, 199, 1991, 1993, 1994, 2055, 208, 2821, 2822, 2823, 337, 338, 3521 УК РФ). При этом закон не содержит дефиниции данного понятия. Соответствующий пробел восполняется судебной практикой в процессе толкования нормативных предписаний.

Изначально это толкование было определено для целей применения норм УК РФ об ответственности несовершеннолетних. В отмененном на сегодняшний день постановлении, посвященном вопросам назначения наказания, устанавливалось, что впервые совершившим преступление следует считать лицо, совершившее одно или не сколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении его не вступил в законную силу [1]. Затем этот подход был скорректирован и расширен в постановлении, посвященном вопросам применения норм об ответственности несовершеннолетних. Здесь наряду с упомянутыми к впервые совершившим преступление причислены лица, хотя и осужденные ранее, но у которых судимости за ранее совершенные преступления были сняты и погашены в установленном законом порядке [2]. Последнее толкование сохраняет свою силу. Но наряду с ним в постановлении, раскрывающим основания освобождения от уголовной ответственности, сегодня предложена новая, еще более широкая интерпретация анализируемого понятия [3].

Последовательное расширение объема и наличие к сегодняшнему дню несовпадающих вариантов официального толкования понятия «лицо, совершившее преступление впервые» (хотя и сформулированных применительно к потребностям решения различных, несовпадающих задач уголовного закона), закономерно ставит вопрос об их соотношении, о пределах действия каждого из них и о степени универсальности каждой из сформулированных позиций.

В современной науке по поводу понятия «лицо, впервые совершившее преступление» сложился вполне устойчивый дискурс. При этом самый первый и главный из множества обсуждаемых вопросов состоит в том, является ли это понятие фактическим (биографическим) или юридическим. Некоторые авторы, как известно, критикуя сложившуюся практику, последовательно настаивают на том, что впервые совершившим преступление необходимо считать лицо, к которому за ранее совершенные преступления не применялось ни наказание, ни какие-либо иные меры уголовно-правового характера, то есть лицо, фактически в первый раз в жизни совершившее преступное деяние [4, с. 51–53; 5, с. 34–36; 6, с. 87–90]. Другие, напротив, поддерживают позицию высшей судебной инстанции, уравнявшей несудимое лицо с лицом, впервые совершившим преступление, предлагают легализовать ее, закрепив на уровне самостоятельного уголовно-правового предписания, тем самым настаивая на юридической, а не биографической интерпретации понятия «впервые» [7, с. 31; 8, с. 62].

Эта дискуссия не должна восприниматься как полемика по поводу относительно частного вопроса, связанного по преимуществу с эффективной реализацией института освобождения от уголовной ответственности. Учитывая контекст, в котором обсуждаемое понятие используется в законе, и свя-

занные с ним особенности применения мер уголовно-правового характера, она относится к разряду методологически важных, а ее разрешение во многом свидетельствует о понимании законодателем социальной базы и реальных возможностей уголовного права.

В фундаментальном отношении этот вопрос восходит к проблемам соотношения криминологической обусловленности и политической целесообразности уголовного закона. Его обсуждение позволяет выявить две возможные модели понимания лица, впервые совершившего преступление, и основанного на этом понимании механизма уголовно-правового регулирования.

Первая модель, условно назовем ее «криминологической», предполагает, что лицо, впервые совершившее преступление, в его фактической (биографической) интерпретации соотносимо с криминологической классификацией преступников. С точки зрения криминологии такие лица не образуют единой классификационной группы. Н. Ф. Кузнецова, например, вполне аргументированно выделяла: а) лиц, впервые совершивших преступление в результате случайного стечения обстоятельств и в противоречии с общей характеристикой всего предшествующего поведения (случайных преступников); б) лиц, впервые совершивших преступление под воздействием неблагоприятных условий, но в целом характеризующихся положительно (ситуационных преступников); в) лиц, впервые совершивших преступление, но допускаявших раньше правонарушения и в целом характеризующихся преимущественно отрицательно (неустойчивых преступников) [9, с. 133]. С этой точки зрения факт совершения преступления впервые сам по себе еще не предвещает вопроса об уровне опасности лица, совершившего это преступление. Оценочное восприятие опасности таких лиц и возможность ее ранжирования на типологическом и индивидуальном уровне со всей очевидностью не предполагают и строгих, формализованных нормативных предписаний в части реализации уголовной ответственности и наказания. Именно такой материально-оценочный характер феномена «лицо, впервые совершившее преступление», был реализован, как представляется в концептуальных построениях советского уголовного права. Сам закон в тот период не использовал этого понятия, а рекомендации высшей судебной инстанции носили указующий, но все же подчеркнута рекомендательный характер, ориентируя на совокупную оценку всех данных о личности, которая впервые совершила преступление [10]. При этом оценка общественной опасности личности зависела не столько от формальных, внешних обстоятельств (впервые или не впервые совершено преступление), сколько от всей совокупности характеризующих личность обстоятельств, в том числе и тех, что ко времени совершения преступления утратили свое юридическое значение (например, снятая или погашенная судимость) или вовсе не имели его (бытовое пьянство, аморальный образ жизни, нарушения общественного порядка и пр.).

Вероятно, реакцией на объективные сложности с оценкой опасности личности и связанные с ней погрешности и ошибки судебной практики (а порой и произвола), стало стремление законодателя ввести непосредственно в текст Уголовного кодекса дополнительные формализованные критерии такой оценки. Представляется, что именно на этой волне тезаурус закона пополнился понятием «лицо, впервые совершившее преступление». И именно с этого момента начала формироваться вторая модель его теоретического понимания, основанная на юридической, конструктивистской интерпретации слова «впервые». Условно ее можно назвать «уголовно-политической». Этот момент подчеркивают многие исследователи, отмечая, что возможность относительно произвольного нормативного (или судебного) конструирования содержания обсуждаемого понятия создает предпосылки для относительно свободного формирования, ограничения и корректировки репрессивного вектора уголовной политики государства [11, с. 95].

Важно отметить, что уголовно-политическая модель понятия «лицо, впервые совершившее преступление» не имеет под собой строгого теоретического обоснования. Она — продукт интерпретационной деятельности высшей судебной инстанции, а не результат научного объяснения. В литературе имеется только две попытки *post factum* дать теоретическое обоснование этой модели, причем их последовательное развертывание приводит к существенно различающимся выводам.

Первая позиция берет за основу интерпретации характеристику юридического факта, который выступает предметом оценки. С ней отчетливо выступил А. Н. Михайлов [12, с. 118–122]. Идея была поддержана А. А. Нечепуренко и В. В. Бабуриным, которые пишут: «Впервые совершившим преступление следует считать лицо, в отношении которого: уголовное преследование никогда не осу-

ществлялось; уголовное преследование осуществлялось, но было прекращено в связи с его непричастностью к совершению преступления, отсутствием события преступления либо отсутствием в деянии состава преступления, в том числе в связи с устранением преступности деяния в период уголовного преследования; уголовное преследование закончилось привлечением лица к уголовной ответственности или освобождением от нее по нереабилитирующим основаниям, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, в совершении которого лицо было признано виновным» [13, с. 74]. Оценка этих суждений с точки зрения теории права показывает, что факт совершения преступления впервые предлагается устанавливать в тех ситуациях, когда именно этот факт получает и сохраняет свой официальный квалификационный статус в качестве преступления. Если все ранее совершенные лицом деяния не получили официального подтверждения в качестве преступления (не были выявлены или будучи выявленными не были признаны уголовно противоправными) или, получив такую правовую квалификацию, не сохранили ее в связи с изменением закона, все последующие уголовно-релевантные поведенческие акты должны рассматриваться как впервые совершенные.

Вторая позиция основывается на характеристике лица, совершившего преступление: является ли оно субъектом ранее возникшего уголовно-правового отношения на момент совершения нового преступления. Задолго до современных дискуссий, во многом вызванных позицией судебной практики, Д.А. Кирилов указывал, что к лицам, впервые совершившим преступление, следует относить среди прочих и тех, кто ранее пребывал в уголовных правоотношениях, но на момент совершения нового преступления «вышел» из них по различным основаниям [14, с. 305]. В наши дни Д.А. Пархоменко пишет, что понятие лица, впервые совершившего преступление, может быть дано с учетом положений уголовного закона, определяющих наличие или отсутствие правовых отношений, порожденных фактом совершения преступления. Соответственно, если на момент совершения преступления лицо не обладало статусом участника ранее возникшего уголовного правоотношения, либо утратило этот статус (например, вследствие истечения сроков давности или судимости, вследствие принятия акта освобождения от уголовной ответственности и т.д.), то такое лицо должно считаться совершившим преступление впервые [15, с. 91, 92].

Как видим, основанное на различных исходных данных (наличие юридического факта или наличие уголовно-правовых отношений) толкование формирует существенно различающийся объем понятия «лицо, впервые совершившее преступление», что доказывает возможность его манипулятивного уголовно-политического использования.

Уголовно-политический компонент рассматриваемой модели интерпретации понятия «лицо, впервые совершившее преступление», ставка на формально-юридические характеристики лица, впервые совершившего преступление, вместе с тем имеет и определенные корреляции с некоторыми современными криминологическими теориями, которые связаны с корректировкой представлений о социальном предназначении уголовного закона.

В рамках рассматриваемого подхода понятие «лицо, впервые совершившее преступление» определяется как «зеркальная конструкция» по отношению к понятию «лицо, совершившее преступление не впервые». За основу разграничения этих двух категорий лиц взят признак наличия или отсутствия не любой, а вполне определенной государственной реакции на совершенное преступление — осуждения с наказанием и судимостью. Такой подход легитимирует в уголовном праве давно известное, но получившее особенное распространение в критической, постмодернистской криминологии суждение о том, что нет людей, не совершавших преступления, но есть только люди, не попавшие в поле зрения государства в связи с совершенными деяниями, «ненаказанные» [16, с. 89].

В контексте уголовного права и уголовной политики это обстоятельство существенным образом корректирует представления о социальной базе отрасли. В традиционном представлении «нормой», «стандартом» социального поведения является исключительно правомерное поведение. Совершение же преступления (в том числе впервые) является отклонением от этого стандарта, с необходимостью или в силу целесообразности требующим государственной реакции. Первичные преступления — это стандартная социальная основа функционирования уголовного права. Все ординарные меры воздействия в уголовном законе традиционно рассчитаны именно на лицо, впервые совершив-

шее преступление. При том, что меры неординарные (усиленные) применяются к тем, кто совершает преступление неоднократно. Вторичные преступники — это экстраординарная база отрасли.

Действующая уголовно-политическая модель толкования лица, впервые совершившего преступление, предлагает, по сути, изменить представления о социальной базе функционирования уголовного права, легитимировать постмодернистский социальный стандарт. Нормой предлагается считать то обстоятельство, что преступления совершаются всеми людьми, тем самым преступное, а не правомерное поведение фактически возводится в ранг нормы или в ранг допустимой вариации нормы. Такая корректировка «нормы» позволяет рассматривать отсутствие государственной реакции на выявленные и расследованные преступления показателем того, что опасность лица, совершившего преступление и ненаказанного, с одной стороны, ничем не отличается от опасности лица, не совершавшего преступления, а с другой стороны, является существенно меньшей по сравнению с опасностью ранее выявленных и наказанных лиц. Отсюда, собственно, и выводятся все рассуждения об особенностях уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление.

Вместе с тем попытка отразить и легитимировать в уголовном праве это постмодернистское изменение представления об общественной норме — спорный момент. По сути, она переворачивает логику правовой оценки. Формула «признание лица не опасным может не требовать применения к нему наказания» подменяется формулой «лицо признается неопасным, потому что не было наказано». Именно в этом заключается основа для критики господствующего подхода.

Дополнительных аргументов критически настроенным авторам добавляет утвердившееся в уголовно-правовой науке мнение, согласно которому факт совершения преступления впервые создает для субъекта «целую систему льгот-наград» [17, с. 134]. Понимание предусмотренных законом особых правовых последствий для лиц, впервые совершивших преступление, как льгот нуждается в критической оценке. Льгота, в самом общем виде, это то, что предоставляется в силу каких-либо особых заслуг или в силу особых обстоятельств. Взгляд на систему правовых последствий, предусмотренных законом для впервые совершивших преступление, как на систему льгот, создает предпосылки для вывода о том, что закон устанавливает привилегии и поощрения лицам, впервые совершившим преступление, что опять же согласуется с постмодернистской интерпретацией уголовного права, в рамках которой стандартной основой для стандартной правовой реакции становится не первичное преступление, а преступление, совершенное лицом, имеющим судимость. Оно воспринимается в качестве нормы, тогда как совершение преступления впервые есть отступление от нормы в позитивную сторону, едва ли не подвиг, создающий основания для льгот.

Изложенные модели понимания категории «лицо, впервые совершившее преступление»: криминологическая, в рамках которой само ее существование лишается смысла, поглощаясь категорией «лицо, не представляющее большой общественной опасности», и уголовно-политическая, в рамках которой возможно полное игнорирование данных о личности в пользу оценки свободно конструируемого понятия «первое преступление», каждая в отдельности содержат непреодолимые и некомпенсируемые недостатки, в силу которых ни одна из них не может быть использована в качестве убедительной и перспективной. Требуется поиск некоторых компромиссов и разработка такой модели, которая совместит достоинства двух изложенных.

В ее основу со всей очевидностью должны быть положены предписания действующего уголовного законодательства, хотя сама модель, как и любое теоретическое построение, не должна «слепло» следовать закону и практике, но создавать, при необходимости, предпосылки для корректировки сложившихся правил. Главное требование к модели — теоретическое обоснование, практическая применимость, объяснительная и прогностическая способность.

Если обратиться к тексту УК РФ, то необходимо заметить, что понятие «лицо, впервые совершившее преступление» используется в нем в двух качественно различающихся контекстах. Так, в ст. 75, 76, 762, 801 УК РФ указание на «впервые совершенное преступление» находится в системно-содержательной связи с иными условиями выбора соответствующей меры правового воздействия и выступает одним из множества критериев, которые правоприменитель должен использовать для оценки опасности преступления и личности, иными словами, соответствующее понятие дается по преимуществу в его криминологической трактовке. В то же время, в ч. 1 ст. 531, ч. 1 ст. 56, ч. 6 ст. 88 УК РФ ука-

зание на впервые совершенное преступление лишено связи с результатами оценки опасности рассматриваемой судом ситуации, оно является сугобо формальным и не требующим соотнесения с иными данными об опасности преступления и личности виновного, то есть тяготеет к уголовно-политическому варианту его интерпретации.

Такие нюансы использования одного и того же понятия в тексте закона, как представляется, не всегда в должной степени учитываются исследователями. Между тем они заставляют проводить вполне явные различия между двумя пересекающимися понятиями: «лицо, совершившее преступление впервые» и «преступление, совершенное впервые».

В первом случае факт совершения преступления впервые является одной из множества характеристик, которые учитываются при обосновании относительно невысокой степени общественной опасности лица. «Смысл совершения преступления впервые как условия освобождения от уголовной ответственности, — правильно пишет Т. Г. Понятовская, — должен быть сосредоточен не на формальных юридических признаках преступления (совершенного впервые), а на личности виновного, его социальной характеристике». В рассматриваемой ситуации факт «совершения преступления впервые» требует не только установления, но и самое главное — всесторонней и комплексной оценки в общем контексте рассматриваемой правовой ситуации. И именно эта оценка является основой для принятия предусмотренного нормами гл. 11 УК РФ решения об освобождении от уголовной ответственности лиц, которые впервые совершают преступления. Само решение в этом случае, что важно, является диспозитивным.

Во втором случае впервые совершенное преступление — самодостаточный факт. Законодатель, по сути, конструирует отдельную санкцию для лиц, впервые совершивших те или иные преступления, исключая отдельные наказания из санкции уголовно-правовой нормы (в ст. 56, 88 УК РФ) или, наоборот, дополняя ординарную санкцию альтернативными видами наказания (ст. 531 УК РФ). Вероятно, данные о лицах, впервые совершающих преступления, учитываются в законодательных решениях, но именно как типологические, обобщенные данные. Они в данном случае не имеют значения для правоприменителя, применяющего соответствующие предписания. Сами предписания являются императивными. Суду достаточно констатировать факт совершения преступления и этой констатации самой по себе достаточно, чтобы активировать дополнительные нормативные предписания. В рамках скорректированных с учетом положений ст. 531, 56, 88 УК РФ санкций правоприменитель, разумеется, будет учитывать на общих основаниях сведения о лице, совершившем преступление (включая факт совершения впервые), но от этой оценки будет зависеть принятие уже совершенно иных решений.

Основная проблема имеющихся теоретических дискуссий состоит, как представляется, в неразличении изложенных нюансов, в попытке либо обосновать формальную самодостаточность уголовно-правового понятия «лицо, впервые совершившее преступление», либо избавиться от него вовсе. В оптимальной же теоретической модели оба аспекта нормативного использования понятия «лицо, впервые совершившее преступление» обязательно должны найти свое отражение.

Акцентируя внимание на различиях употребления исследуемого понятия в законе, полагаем важным соотнести эту информацию с общим представлением о механизме уголовно-правового регулирования. Анализ показывает: там, где речь идет об императивной законодательной дифференциации уголовного наказания (по сути, о корректировке санкций закона, об установлении наказуемости деяния), значение имеет только сам по себе факт совершения преступления впервые; там, где речь идет о диспозитивных основаниях дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, об установлении оснований и условий реализации ответственности, факт совершения преступления теряет свою самодостаточность, входя в систему иных обстоятельств, учитываемых правоприменителем при принятии решения по делу.

Общий вывод и одновременно исходный пункт теоретической конструкции «лицо, впервые совершившее преступление», таким образом, состоит в том, чтобы: а) отделить «факт» и его значение от «лица» и его значения; б) признать, что факт совершения преступления впервые не предопределяет вывод об уровне опасности лица, совершившего этого преступление, не является определяющей характеристикой в структуре данных о лице, впервые совершившем преступление.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4 (документ утратил силу в связи с изданием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.
4. Корниенко В. Т. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Российская юстиция. 2007. № 8. С. 51–53.
5. Николаев П. М., Уразбаев Р. Ш. Закон допускает совершение некоторых преступных деяний многократно и безнаказанно // Законность. 2016. № 8. С. 34–36.
6. Ларина Л. Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 87–90.
7. Владимиров О. А. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4 (26). С. 28–32.
8. Нагуляк М. В. Понятие лица, совершившего преступление, при прекращении уголовного дела с примирением сторон // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 27 (244). С. 59–62.
9. Криминология : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2004. 629 с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 1985 г. № 4 «О применении судами Российской Федерации законодательства, регламентирующего назначение мер уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1985. № 7.
11. Понятовская Т. Г. Нужны ли условиям освобождения от уголовной ответственности формальные признаки? // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 93–98.
12. Михайлов А. Н. Совершение преступления впервые как одно из условий прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием // Вестник Сибирского юридического института ФСИН России. 2013. № 1 (12). С. 118–122.
13. Нечепуренко А. А., Бабурин В. В. «Совершение преступления впервые» как ключевое понятие для оптимизации применения института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 67–79.
14. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для образоват. учреждений МВД России / под ред. А. И. Марцева. Омск : ОЮИ, 1998. 406 с.
15. Пархоменко Д. А. Об определении понятия лица, впервые совершившего преступление, основанного на уголовном законе // Сибирский юридический журнал. 2018. № 1 (80). С. 90–95.
16. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. 501 с.
17. Кострова М. Б. Парадоксы уголовно-правового воздействия в отношении «лиц, впервые совершивших преступление» // Право. Законодательство. Личность. 2015. № 1 (20). С. 134–137.